

Глава 2

СРЕДИЗЕМЬЕ: ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ

«Язык (как орудие мышления) и миф появились в нашем мире одновременно»*, — писал Толкин в знаменитом эссе «О волшебных сказках». Но в случае с созданным им самим миром дело обстояло несколько иначе. Здесь «вначале были языки, легенды появились потом»⁷. Легенды — то есть литературные произведения Толкина — всегда были для него попыткой создать мир, в котором получили бы право на существование его лингвистические пристрастия. Возвращаясь снова и снова к сюжету об Эаренделе и фэйри, Толкин утвердился в мысли, что, для того, чтобы сделать вымышленный язык более или менее сложным и «настоящим», нужно найти для него историю, в которой он мог бы развиваться, в которой действовали бы герои, говорящие на нем. Именно тогда и возник грандиозный замысел — желание сотворить, а вернее — «открыть заново», «реконструировать» целую мифологию, которая основой своей имела бы «тайный порок» (так Толкин называл собственную страсть к изобретению новых наречий).

Еще со времен учебы в Эксетер-колледже Толкин искренне сожалел, что в английской культуре не сохранилось никаких преданий, подобных финской «Калевале»: «Меня с малых лет печалила бедность моей родной страны, у которой не было собственных легенд»⁸. И поэтому задуманный мифологический цикл предполагал собой не что иное, как реконструкцию, возрождение исконно английской мифологии. В одном из писем Толкина можно найти упоминание о том, как зародилась такая идея: «Не смейтесь,

* Перевод С. В. Кошелева.

пожалуйста! Но когда-то давным-давно (с тех пор я сильно пал духом) я решил создать корпус более или менее связанных между собою легенд самого разного уровня — от широких космогонических полотен до романтической волшебной сказки, так, чтобы более обширные опирались на меньшие, не теряя связи с почвой, а меньшие обретали величие благодаря грандиозному фону, — которые я мог бы посвятить просто: Англии, моей стране. Эти легенды должны были обладать тем тоном и свойствами, о которых я мечтал: это нечто прохладное и прозрачное, благоухающее нашим “воздухом” (то есть климатом и почвой

Создание волшебной мельницы Сампо. Картина Аксели Галлен-Каллелы из цикла, посвященного «Калевале». 1893 г.

Северо-Запада, включающего Британию и ближние к ней области Европы, а не Италию и побережье Эгейского моря и уж тем более не Восток), и отличаться — если бы я сумел этого достичь — дивной неуловимой красотой, которую некоторые называют “кельтской” (хотя в подлинных древних кельтских текстах она встречается чрезвычайно редко); они должны быть “высокими”, очищенными от всего грубого и пригодными для более зрелого духа страны, давно уже с головой ушедшей в поэзию. Часть основных историй я хотел изложить целиком, а многие другие оставить в виде замыслов или схематических набросков. Отдельные циклы должны были объединяться в некое величественное целое и в то же время оставлять место иным умам и рукам, для которых орудиями являются краски, музыка, драма. Вот абсурд!»⁹

Каким бы абсурдным ни казался писателю его ранний замысел, он все же осуществил его. Насколько полно результат соответствует задуманному изначально — судить трудно, но факт остается фактом: Толкин действительно посвятил всю свою жизнь тому, чтобы воплотить идею в реальность. Начав в 1917 году работать над «Книгой утраченных сказаний», Толкин на протяжении многих лет продолжал творить, строить по кирпичику словечку башню своего мироздания: материалом ему послужили и космогонические легенды, и сказочно-романтические истории, и героико-эпические сказания. Венцом же всего цикла стала эпопея о Войне Кольца.

Несмотря на не покидавшее Толкина ощущение, что он лишь «фиксирует» некие события, происходившие (или происходящие) в действительности, а вовсе не «изобретает» их, он всегда настаивал на том, что «Властелин колец» (как, собственно, и другие сказания цикла) — «литературное произведение, а не историческая хроника, в которой описываются реальные события»¹⁰. При этом он признавал, что выбранная им манера изложения, придающая произведению «историческую достоверность», оказалась удачной, что «доказывают письма, судя по которым “Властелин

колец» воспринимается как «отчет» о реальных событиях, как описание реальных мест, чьи названия я искажил по невежеству или небрежности»¹¹.

Что же способствовало восприятию эпопеи как хроники событий, произошедших в действительности, что создавало иллюзию трехмерности? Дело в том, что, будучи ученым-систематиком, Толкин немало времени посвятил проработке номенклатуры и различным расчетам, стремясь к последовательности и выверенности. Прежде всего это касается различных культур, причем каждая из них определяется не только историей народа, но и его географией. Помимо изобретения наречий, имен, названий и знаков письменности для различных племен Средиземья, он много внимания уделил разработке других важных элементов, составляющих картину этого мира. Он подробнее, по эпохам, годам и датам, расписал всю хронологию; проработал генеалогические древа родов, наиболее значимых для истории мира; продумал системы летосчисления и составил календари для разных народов. Все это добавляет достоверности в восприятии собственно истории той земли, где обитали герои «Властелина колец». Но истории не существует без географии, и здесь мы также видим, насколько тщательно Толкин проработал вопрос пространства.

АСТРОНОМИЯ И ГЕОГРАФИЯ СРЕДИЗЕМЬЯ

«Мне необходимо было, полагаю, сконструировать воображаемое *время*, а что до *места* — крепко стоять ногами на земле-матушке», — сказал Толкин в письме к Роне Бир. Пространственно-временной континуум книг Толкина давно стал предметом научного анализа — как астрономического, так и географического. И прежде чем соотносить Средиземье Третьей эпохи с географической картой Европы, нам необходимо обратиться именно к астрономическим аспектам мира Толкина.

В том же письме говорится: «Я полагаю, разрыв составляет около 6000 лет; так что мы сейчас находимся в конце Пятой эпохи, если эпохи по длине примерно соответствовали В. Э. [Второй эпохе] и Т. Э. [Третьей эпохе]. Однако, я думаю, они ускорились; сдаётся мне, на самом деле сейчас заканчивается Шестая эпоха, или даже Седьмая». Упомянутый разрыв — как написано в письме строкой выше, «между Падением Барад-дура и нашими днями». В одном из интервью на «Би-би-си Радио-4» Толкин говорит о разрыве в 7000 или 8000 лет. Соответственно, географические аналогии следует начинать с карты Европы 6000–8000-летней давности.

В то время и немного ранее Британия ещё не остров, и линия её побережья выдвигается западнее современной Ирландии. Береговая линия Средиземья Третьей эпохи соответствует Кельтскому шельфу, а также шельфу Франции и Италии. Толкин, рисуя свои карты, отталкивался от реальной исторической географии, и это придает его книгам не только убедительность, но и уникальность.

Берег Кельтского моря

То, о чем пойдет речь далее, — соответствия между народами вымышленного мира и культурами реальных стран определенного периода — не редкость в хорошей фэнтезийной литературе (например, в этом причина заслуженного успеха «Отблесков Этерны» Веры Камши), но, насколько нам известно, ни один из авторов не использовал данные *палеогеографии*, тем более — не рисовал карт на их основе.

При этом карты Толкина — все же карты *его* мира, а не калька с исторических земных. И при всем высоком соответствии линии шельфа берегам Средиземья — Пиренейского полуострова мы там не найдем¹².

Но прежде чем переходить к географии — еще несколько слов об астрономии.

Широко известно, что во «Властелине колец» фазы Луны рассчитаны по календарю. Аналогичным образом Толкин выверял положение звезд и созвездий. Вот самый яркий (в разных смыслах) из цикла статей Никанора (Дмитрия Лепешева) и Элентирмо (Сергея Белякова) о естественнонаучных аспектах ардологии. Когда происходит «диалог Фродо и Галадриэли у Зеркала, говорится, что на небе уже появились звезды, то есть наступили глубокие сумерки, а высоко на западе засияла Вечерняя звезда — планета Венера: “. . . И так ярок был ее свет, что фигура эльфийской Владычицы отбросила на землю бледную тень”^{*}. Действительно, во время наибольших элонгаций Венера достигает такой яркости, что возникают тени от предметов. С точки зрения астрономии данный отрывок очень верно описывает вечернюю видимость Венеры. Дело в том, что наилучшее время наблюдения этой планеты вечером — с февраля по апрель, когда эклиптика на средних широтах (48 градусов для Лориэна) имеет наибольший угол к горизонту. Моделирование показывает, что высота Венеры над горизонтом в это время могла достигать 30 градусов, то есть Венера вполне

* Перевод М. Каменкович и В. Каррика.

могла наблюдаться над верхушками деревьев, а ее яркости (минус 4,5) было достаточно для образования теней»¹³.

Надо сказать, что упомянутые во «Властелине колец» и «Сильмариллионе» созвездия и яркие звезды имеют полное соответствие нашим небесным объектам. Например, вспомним главу эпопеи, где хоббиты, прячась от назгулов, встречают странствующих эльфов. Восходящий над лесом Менельвагор со сверкающим звездным поясом однозначно соответствует созвездию Ориона. Звездная Сеть Реммират — это, конечно, скопление Плеяды. А красную звезду Боргил можно сопоставить с Альдебараном в созвездии Тельца. Хеллуин над гранью мира — яркий Сириус. Знак рока над Севером, созвездие Валакирка (Сerp Валар), созданное Вардой перед пробуждением эльфов, — без сомнения, ковш Большой Медведицы, действительно напоминающий очертаниями серп. Есть названия и для планет. Марс в опубликованных Кристофером Толкином черновиках своего отца называется по-эльфийски Карнил, Юпитер — Алкаринквэ, а Меркурий — Элеммирэ.

Мы не станем пересказывать здесь работы по астрономии в мире Толкина и отошлем всех интересующихся к упомянутым публикациям Элентирмо. Приведем лишь одну цитату, касающуюся событий Первой эпохи: «У Профессора есть любопытный рисунок “Дракон Глаурунг выходит на поиски Турина”. На небе изображена большая комета. И как оказалось, это не просто способ заполнить пустое пространство. Согласно полученной мною таблице, нарготрондские события (около 495 г. Первой эпохи) приходятся приблизительно на 11 542 г. до н.э. Как установил академик А. Войцеховский, в этом году на минимальное расстояние к Земле подходила комета Галлея, и была она видна даже лучше, чем в пресловутом 837 году! Вот так. Совпадение? Решайте сами»¹⁴.

Астрономические расчеты основаны на географических, широта и долгота для многих объектов Средиземья давно вычислены. Работы подобного рода появляются отнюдь не только в среде фэндома. Укажем, например, статью Дэна Ланта из Бристольского

Созвездие Ориона в атласе Джона Байера «Уранометрия». 1661 г.

университета «Климат Средиземья»¹⁵, причем для ученого она была частью работы по компьютерному моделированию климата; помимо прогноза погоды для мира Толкина, он смоделировал климатические данные для доиндустриальной Земли и для эпохи динозавров. Часть работы, посвященную Средиземью, ученый логично подписал именем Радагаст Бурый, что ничуть не умаляет серьезности исследования.

Продолжая обзор мира Толкина на макроуровне, нельзя не отметить работу Руслана Исмаилова «Тектоника плит Белерианда»¹⁶. Посвященная геологическим процессам Первой эпохи и полностью основанная на карте Толкина, эта статья доказывает, что катастрофа Войны Гнева, приведшая к гибели Белерианда,

была сугубо естественным геологическим процессом. «Получив мощный толчок, весь Белерианд оторвался от Средиземья, и в разлом, проходящий почти точно по Гелиону [река на востоке Белерианда, в Третью эпоху эти территории находились под водами. — А. Б.], хлынуло море. Как уже отмечалось выше, устье Гелиона лежит ниже уровня моря, поэтому высота ударной волны, затопившей весь Восточный Белерианд, была огромной». Более того, такой естественнонаучный подход объясняет безо всякой магии и появление цепи Зачарованных островов, оградивших Валинор от внешнего мира: «Извержение продолжалось еще лет двадцать, после чего вулканы ушли под воду, но сейсмическая активность не прекратилась. И в более позднее время, вплоть до Третьей эпохи, зона вулканической активности была опасной для мореплавания, это именно она была тем поясом безопасности, который отделял Валинор от Средиземья».

Прежде чем соотносить географию мира «Властелина колец» и земную, следует сделать существенное замечание. При всех совпадениях с реальной географией мир Толкина — не ребус, а художественное произведение, где главное — соответствие внутренней логике мира, а параллели из земной географии и истории культуры выступают лишь в роли строительного материала. Один и тот же объект Средиземья может в разных проекциях рассматриваться как соответствие двум совершенно различным реалиям. И наоборот. Так что не должно казаться ошибкой, что, например, Арнор, с одной стороны, можно сопоставить с Западной Римской империей, а с другой — с кельтами, ее яркими противниками: верны оба утверждения, но каждое в своем контексте. Именно такой подход продемонстрирован в замечательной книге Джона Гарта «Миры Дж. Р. Р. Толкина»¹⁷. За два десятка лет до выхода этого труда русский толкинист мог пользоваться статьей Эрандила (Алексея Семенова) «География Среднеземья: принцип системы»¹⁸, которая, несмотря на свою компактность, достойно смотрится даже на фоне монументального труда Гарта.

Итак, мы попробуем обрисовать историко-географическое сравнение карт Земли и Средиземья.

Если в основе физической карты «Властелина колец» лежат данные палеогеографии, то политическая карта строится на данных культуры Средневековья, причем обобщенного. Это период земной истории около тысячи лет, примерно с V по XIV века н.э.: принимая параллель «Арагорн — исторический король Артур» как нижнюю границу, в качестве верхней границы назовем экспансию Мордора на Гондор как аллюзию на захват турками Византии, правда, с иным исходом битвы (основания для таких сближений мы приведем далее).

Осью карты Третьей эпохи является река Андуин, которая во многих работах обоснованно соотносится с Дунаем. Дунай — это важнейший рубеж обороны Западной Европы, это та граница, которая серьезно сдерживала кочевников Азии — будь то гунны или монголы, это была и преграда на пути вторжения османов. Неслучайно названия рек Андуин и Дунай созвучны. При этом важно подчеркнуть, что соответствие Андуин — Дунай относится

Скала Лорелеи на берегу Рейна

Замок на горе Драхенфельс возвышается над Рейном. По легенде, в пещере этой горы Зигфрид сразился с драконом Фафниром

прежде всего к области историко-культурной, а не собственно географической (Андуин течет с севера на юг, Дунай — с запада на восток).

Однако Дунай не единственное географическое соответствие Андуина. Другим является Рейн. И здесь важны не только и не столько географические корреляты (все же Рейн течет на север, а Андуин — на юг), сколько биографические: когда Толкину было девятнадцать лет, он отправился вверх по Рейну в Альпы. Замки и легендарные скалы по берегам (включая пещеру, где якобы обитал дракон, убитый Зигфридом) превращали плавание в путешествие в волшебный мир, а знаменитая скала Лорелеи, находящаяся в самом узком месте Рейна, стала в итоге прототипом Аргоната, который представляет собой не просто колоссальные статуи (о них речь позже), но и речную теснину. Впечатления Фродо от них — это юношеские впечатления Толкина.

Но и это еще не все. Одного взгляда на дельту Андуина достаточно, чтобы мы вспомнили о той реке, устье которой и породило

сам греческий гидроним «дельта». Это Нил. Он, как и Рейн, течет с юга на север, так что наложить карты у нас не получится, однако на его берегах стоят колоссы, размерами вполне подходящие для Аргоната, а в культуре Гондора порой отчетливо мелькают древнеегипетские черты.

Как видим, исторические аналогии с миром Толкина оказываются гораздо прочнее и надежнее, чем собственно географические.

Но мы все-таки хотим увидеть точку географической привязки двух карт. И она есть.

Это хоббитский Шир и сельская Англия, в частности окрестности Оксфорда (письмо к Шарлотте и Денису Плиммерам). Сам Толкин давал следующую корреляцию в этом письме: «Если Хоббитон и Ривенделл расположены (как предполагается) приблизительно на широте Оксфорда, тогда Минас-Тирит, шестьюстами милями южнее, находится примерно на широте Флоренции^{*}. А устья Андуина и древний город Пеларгир — приблизительно на широте древней Трои». Пейзаж Шира и его окрестностей типичен для Британии, и, в частности, Толкин резко разграничивает на своих картах два типа возвышенностей: downs и hills (что, к сожалению, утрачено в переводах). Downs — это не просто холмы, а меловые холмы юго-восточной Англии, причем если совместить в одном масштабе карту Средиземья и карту Британии (Бристольский залив с заливом Лун), то Холмы Мертвых совпадут с меловыми холмами Кента. На карте Британии, как известно, дальше только море, на карте Средиземья там начинается таинственный волшебный мир. В меловых холмах действительно часто встречаются неолитические захоронения, включающие и стоячие камни (как они и описаны во «Властелине колец»),

^{*} Это сопоставление Минас-Тирита с Флоренцией было буквально использовано в фильме «Властелин колец» Питера Джексона, где облик фасада королевского дворца и башни Наместников взяты с собора Санта-Мария-дель-Фьоре и его колокольни.

однако основной вид гробниц в таких местах — кайрн, то есть куча камней, сложенная над погребением. То, что происходит с хоббитами в кургане, где властвует умертвие, взято из совершенно другой культуры (с совершенно другими курганами): это Скандинавия, курганы знатных викингов, куда действительно клали и сокровища, и оружие, как в произведении Толкина. Самая яркая скандинавская черта в курганном эпизоде — персонаж, буквально названный Профессором «могильное существо», которого обычно переводят как «умертвие» или более точно как «навь» — это классический драуг из скандинавских саг, то есть неупокоенный мертвец, владыка курганных сокровищ, представляющий огромную опасность для живых людей. Мы снова видим, как Толкин объединяет в ярком образе разные культуры (и даже разные типы курганов, потому что на больших насыпных курганах викингов невозможно было бы возвести те крепости, которые, по словам Тома Бомбадила и по данным Приложений, стояли на холмах Тирн-Гортад до того, как их назвали Холмами Мертвых).

Холмы графства Кент

Продолжая историко-географические параллели к землям Арнора, приведем обширную цитату из работы Эрандила: «Судьба Арнора и того, что от него осталось, сильно напоминает судьбу догерманских хозяев Северной и Центральной Европы — кельтов. Сначала расселение чуть не по всей Европе, затем распад на мелкие племена, кланы и королевства, враждующие между собой, и, наконец, исчезновение среди новых народов — остались лишь стойкие реликты в “затаенных уголках” континента — в Ирландии, Уэльсе, Корнуолле, на острове Мэн, в Бретани. В пользу кельтских аллюзий говорят и курганные погребения Кардолана (Могильники), священный лес (Старый лес), кельтские топонимы (Бри), кельтские мечи из кургана в форме удлинённого тростникового листа, да и склонность древних и знатных хоббитских родов селиться в холмах». На этом фоне сближение образов Арагорна и короля Артура представляется нам оправданным, хотя, как мы увидим далее, это сходство — следствие не прямой преемственности, а общего источника их возникновения — древней кельтской культуры.

Каирны на Пеннинских холмах в Англии

Скальное образование, известное как «Замок Эван»

Отдельно хочется отметить прообраз Амон-Сул (Заверти, Заветери, Пасмурника). С высокой вероятностью это скала, именуемая «Замок Эван» в долине Фей (Фэйри-Глен) на острове Скай у западного побережья Шотландии. Облик этой скалы идеально передают слова из «Властелина колец»: «каменное кольцо наподобие короны, венчающей чело старой горы», причем подъем на вершину также лучше всего описать цитатой из той же главы: «по обе стороны выростали крупные валуны и тесаные обломки скал, скрывавшие случайного пешехода не хуже доброй изгороди». Но, в отличие от великой башни Амон-Сул, разрушенной некогда Королем-Чародеем, «Замок Эван» никогда не был жилищем или крепостью, однако желание увидеть в нем именно развалины возникает у столь многих, что в интернете несложно встретить фотоколлажи, где скалу венчает башня.

Продолжим соотносить карты и посмотрим на запад от Хоббитона-Оксфордшира. Сравнительно недалеко от хоббитов

находятся руины Аннуминаса — древней столицы Арнора, где правил тот королевский род, наследником которого и является Арагорн. Далее петляет река Лун, затем высится горный массив, и за ним стоит Линдон, древнее эльфийское королевство, где некогда правил Гил-Галад, о котором Сэм поет песню. Южнее же, по обоим берегам залива Лун, находятся Серебристые Гавани. Мы уже говорили, что они соответствуют английскому Бристолю. Исследователи соотносят горы Лун с горами Уэльса и Ольстера, нам же критичнее соотношение культур, поскольку валлийская мифология дала, с одной стороны, образ дунаданов, с другой — эльфов.

Более того, подобно тому, как к югу от Уэльса лежит Корнуолл, тоже кельтский регион (в наше время он утратил свой язык), к югу от Линдона лежит Южный Линдон. Название этой эльфийской страны означает «Земля музыки», и происходит оно от песен эльфов. Это снова возвращает нас в Уэльс, знаменитый не только своими сказаниями: как свидетельствует Бернارد Шоу в «Пигмалионе», даже речь простых валлийцев более ритмизованна и поэтична, чем речь англичан. Но Линдон — это уцелевшая часть затонувшего Белерианда, и аналогично к западу от Корнуолла находилось островное королевство Лионесс, которое ушло под воду примерно в X веке, а затем стало легендой.

Двинемся вместе с хоббитами на восток. Итак, Вековечный лес соответствует лесам, некогда находившимся к востоку от Оксфорда и вырубленным в сравнительно недавнее время. Массив Мглистых гор (достаточно низких в северной части) соответствует горным цепям Европы: Арденнам, Гарцу, Татрам и т. д. Они ниже, чем горы мира Толкина, но основания для сближения есть. Что касается облика Мглистых гор — это впечатления Толкина от путешествия по Альпам в юности. Образ жестокого Карадраса, где некогда попала в засаду Келебриан, жена Элронда, а Братство Кольца не может пройти, обязан своим происхождением трагедии на альпийском Маттехорне. Из Альп же приходит

и эпизод «Хоббита», где каменные великаны в грозу перекидываются валунами, — во время своего юношеского путешествия будущий писатель чудом уцелел при камнепаде¹⁹.

Восточнее Мглистых гор находим точное совпадение географических объектов: жилище Беорна, «дом медведя», буквально — Берлин. Темнолесье соотносят с лесами Вислы и более восточными лесами. Озеро Долгое — с Ильменем, Ладогой, Онегой. Крупные торговые города Дэйл и Эсгарот — с Упсалой и Стокгольмом, которые также были значимы именно как центры торговли. Тот факт, что земные города расположены на море, а средиземские — на озере, не должен смущать: обратившись к палеогеографии (а физическая карта Средиземья, напомним, строится на ней), видим, что Балтийское море тогда было озером.

Но с точки зрения культурного соответствия Дэйл расположен гораздо ближе — это Бирмингем, город, рядом с которым прошло детство Толкина. Поскольку это был крупный промышленный центр, то «город игрушек» (эпитет Дэйла) можно соотнести с ним, но тем самым он оказывается и персонификацией негативного отношения к промышленности, а предместья Бирмингема так и назывались — «Черная страна» (что в итоге даст «Мордор»). Но и этого мало: Бирмингем — один из центров развития викторианской готики, воплощенной мечты об идеализированном Средневековье, так что он стал еще и прообразом эльфийских замков. А интерьер бирмингемского Оратория, как утверждает Гарт, послужил прототипом королевского дворца в Минас-Тирите (к сожалению, в книге Гарта не приведена фотография, но ее легко найти в интернете — и согласиться). Минас-Тирит, Дэйл, эльфы и Мордор — и все это Бирмингем²⁰. Поистине, город контрастов. Не будем пытаться соотносить его с картами.

Анализировать корреляции более восточных географических объектов мы не станем (любопытный читатель легко найдет их в указанных нами работах), и вот почему. В мире Толкина работает принцип искажения расстоянием: чем удаленнее объект,

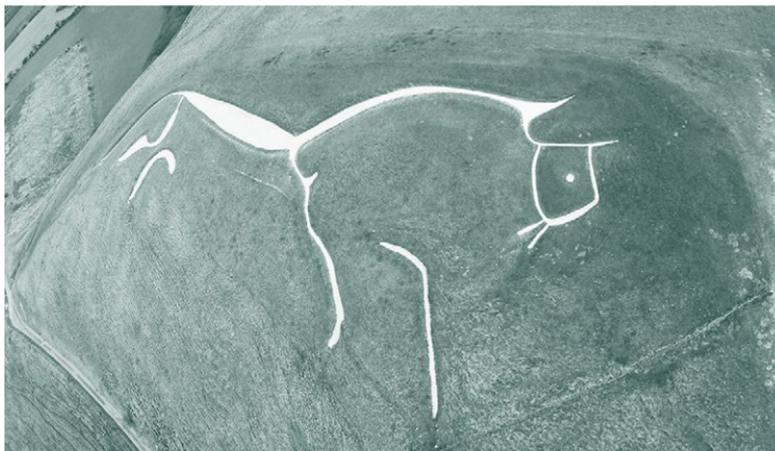
тем менее четки представления о нем (повторим, точкой отсчета является Шир-Оксфорд; принципом удаленности хорошо объясняется вариативность соответствий Андюина, слишком далекого для хоббитов). Эрандил в своей статье приводит таблицу географических корреляций, прекрасно подтверждающую этот тезис. Применительно к восточным землям спектр трактовок настолько широк, что фактически лишается познавательной ценности.

Обратимся к землям южнее Шира.

Равнины Эриадора соотносят с равнинами Франции, южные предгорья Мглистых гор — с предгорьями Альп, где с древнейших времен жили дерзкие и независимые горцы. Толкин не романтизировал образ отважного швейцарца Вильгельма Телля, для него дунландцы — дикари и враги Рохана.

Общим местом толкиноведения является утверждение, что Рохан есть обобщенный образ готских государств Европы (Джуди Форд прямо называет «Властелин колец» «историей падения Рима со счастливым концом»)²¹. Будучи изначально врагами Рима, затем именно готы защищают Европу от полчищ Аттилы; основа их армии — конница, внешний вид — светловолосые силачи. Все это применимо к роханцам, за исключением разве что отношения к Гондору: всадники никогда не были его врагами (что излагается в Приложении к «Властелину колец»). Однако их описание относится к другому германскому народу, к англосаксам древней Мерсии (королевства в Британии), которые никогда не вели конных боев.

Как и в случае с Бирмингемом-Дэйлом, мы из далеких далей возвращаемся назад, в Англию. Том Шиппи пишет, что народ Теодена напоминает англосаксов вплоть до мельчайших деталей (разумеется, за исключением того, что они не были всадниками). Но в их культуре образ коня представлен более чем ярко: это имена их вождей Хенгеста и Хорсы (в переводе с древнеанглийского «жеребец» и «лошадь»), это конь как эмблема

Уффингтонская белая лошадь

Саксонии. Но откуда взялся белый конь на зеленом поле? Это Уффингтонская белая лошадь, геоглиф, то есть огромное изображение (ее длина более ста метров), занимающее склон холма в Оксфордшире. Она на полторы тысячи лет старше англов и саксов, время ее создания — бронзовый век. Глядя на этот величественный памятник доисторической древности, который сохранялся столько веков (без прополки она заросла бы травой), начинаешь понимать, почему Профессор в своем мире мыслит тысячелетиями.

Но вернемся к карте.

Южнее расположены Белые горы — это обобщенный образ высоких гор юга Европы — Апеннин, Балкан, Пиренеев. Гондор же сам Толкин в письме к Мильтону Уолдману характеризовал как «нечто вроде надменной, освященной веками, но все более беспомощной Византии». Добавим, что, хотя прямо отождествлять Минас-Тирит с Константинополем нельзя (по географическому положению ему скорее соответствует Пеларгир), оба великих города находятся в правобережье главной реки своей страны — Андуина и Дуная соответственно.

Если Рохан узнаваемо воссоздает культуру англосаксов, то, говоря о Гондоре и Византии, нам в приведенной цитате хочется подчеркнуть слова «нечто вроде». Это не сближение культур, это общность места в истории и влияния на политику значительной части света. Повторим, Толкин спас «свою Византию» от разгрома орками-турками (нам не встречалось в толкиноведении сближения названий этих двух этносов, но, кажется, для него есть основания).

С другой стороны, мы уже упоминали, что, по словам самого Толкина, Минас-Тирит находился бы на широте Флоренции. И кажется, дело не только в координатах: замок, в котором семь стен и семь врат, упоминается в великом творении знаменитого флорентийца Данте — в «Божественной комедии»²². Да и само описание Белого города вызывает образы скорее Италии, нежели Византии.

Но и это не все. В связи с Андуином и его колоссами мы уже упоминали Нил и огромные статуи на его берегах, что вынуждает признать и Египет одним из прообразов Гондора. Корона Гондора, как ее нарисовал сам Толкин, напоминает сочетание корон, которые носили правители Верхнего и Нижнего Египта. Лишенная головы статуя короля в Итилиене навеяна образом колосса Рамсеса Второго. (Хотя еще сильнее с Египтом соотносится ушедший на дно морское Нуменор — Атлантида Толкина.)

Джон Гарт находит еще одну любопытную точку на самом востоке Гондора — это река Порос, граница с Харадом. В этом слове Гарт видит отзвук названия «Босфор», который некогда разграничивал цивилизацию и южных варваров, а еще — имя индийского царя Пора (Пороса), противника Александра Македонского.

Посмотрим теперь на вражеские земли.

Общая историческая корреляция уже обозначена — это вторжения гуннов, монголов и османов. Приведем несколько

наиболее красивых географических «цитат». При расчете широты (но не долготы!) Мордора и, в частности, Ородруина на основе указанного письма Толкина вулкану Сауруна соответствует Везувий. При историко-географическом подходе Мордор вполне вписывается в границы Малой Азии (очертания полуострова чрезвычайно напоминают периметр мордорских гор; факт, который почему-то пропустили цитируемые нами исследователи), Элентирмо отмечает, что мордорскому внутреннему морю Нур-нен соответствует малоазийское соленое озеро Туз. Он же пишет о географическом аналоге пиратского Умбара — это сходный с ним и по расположению на карте, и по роли в истории Алжир.

Но с Умбаром дело обстоит сложнее.

В Приложениях к «Властелину колец» говорится про большой мыс, закрывающий Умбар, и залив, глубоко вдающийся в сушу. Это подозрительно напоминает очертания Испании в районе Кадиса. К этому мы еще вернемся, когда речь пойдет о юности Арагорна и его рейде на Умбар. Но можно предполагать, что за образом умбарских корсаров стоят не только и не столько алжирцы, сколько морские противники англичан — испанцы, а Умбар, таким образом, оказывается аналогом Испании, но перенесенным далеко на юг.

Впрочем, само слово «корсары» применительно к Умбару (в большинстве русских переводов стоит «пираты») оказывается маркером совсем другого исторического прототипа. Слово «корсар» — французское, синонимичное слову «капер» (то есть морской разбойник, грабящий суда вражеской страны и отдающий часть добычи королю). Жертвами французских корсаров вплоть до эпохи наполеоновских войн становились не только испанцы, но и англичане. Позже термин «корсар» стал обозначать турок и слился с понятием «пират». От алжирцев и турок умбарцев будут их галеры с рабами (точнее, это алжирский галиот, то есть парусная галера). И все же, используя применительно

к Умбару слово «корсары», а не «пираты», Толкин подчеркивает тем самым, что это государство, ведущее необъявленную войну против Гондора, и это именно стратегия, а не хаотичные набеги морских разбойников. Умбар — родственная Гондору культура (обе страны основаны нуменорцами), как Франция родственна Англии. Итак, умбарские корсары не только алжирцы и турки, это обобщенный образ морских врагов Британии — Испании (давшей Умбару некоторые элементы географии) и Франции с ее корсарами.

Нам осталось проанализировать лишь одно географическое название. Это само слово «Средиземье» (Middle-earth), которое несомненно вдохновлено названием равнины Мидленд (Midlands), где расположены два региона — Восточный и Западный Мидленд, столицей последнего и является Бирмингем. Итак, мы совершили круг «туда и обратно»: уйдя от окрестностей Бирмингема — мы вернулись к нему.

Мы видим, что карта «Властелина колец» создавалась Толкином на основе трех источников: общий абрис Средиземья опирался на данные палеогеографии, политическая карта — на обобщения средневековой истории Европы, топографическая карта — на карту Англии, причем чем дальше от Шира, тем менее и менее строго коррелируя с земной (превращение береговой линии Малой Азии в цепи мордорских гор — наглядный пример). И при этом в образ любой, даже самой отдаленной страны, неважно — эльфийской, гномьей, человеческой или вражьей, — Толкин добавлял что-то из черт родной Англии, особенно тех краев, где прошли его детство и юность. Таким образом, мифопоэтическое пространство, созданное писателем, оказывается узнаваемым и родным, практически осязаемым, «земным», но измененным ровно настолько, чтобы поверить, что описываемые события происходили давным-давно, в незапамятные времена.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

Еще одна немаловажная деталь, подкупающая своей натуралистичностью (в прямом смысле слова, ибо имеет непосредственное отношение к натуре — природе), — уникальное многообразие растительности, с изумительной точностью и любовью обрисованное и поименованное Толкином во «Властелине колец». Путь героев романа пролегает через шесть природно-климатических зон — от тундры до сухих субтропиков, и на его протяжении встречается множество видов растений, каждое из которых закономерно произрастает в характерном для него ландшафте, окружено действительно ему присущими растениями-спутниками и вовремя, в должные календарные сроки, зацветает. Данные по ботанике Средиземья и ее коррелятах (в тех случаях, когда растение является эльфийским) приводятся в работе Ильи Кучерова «Растительный мир Средьземелья»²³. Исследователь подчеркивает, что по количеству упомянутых растений Толкин многократно превосходит авторов, которые традиционно считаются «певцами природы»: так, у Пришвина счет растений идет на десятки, у Тургенева и Толстого — меньше, у Толкина же упоминается около ста пятидесяти видов!

И даже чудесные эльфийские растения неземной красоты оказываются не просто плодом фантазии автора, но имеют близких родственников среди земной флоры: «Я получил большое удовольствие от книги, посвященной растениям полуострова Кейп-Йорк. Я не нашел в ней ничего, что непосредственно напомнило бы мне *нифредил*, *эланор* или *альфирин*; однако причина тому, думается, в том, что в явившихся моему воображению цветах заключен свет, которого не было и никогда более не будет ни в одном растении и который невозможно уловить кистью. Без этого света *нифредил* мог бы оказаться просто изящным родичем подснежника, а *эланор* — очного цвета (только, возможно, чуть

по крупнее), с солнечно-золотыми или звездно-серебряными цветками на одном растении, иногда сочетающими оба оттенка. *Альфурин* (“бессмертный”) оказался бы похож на сухоцвет, только не столь сухой и бумажный» (цит. по статье Кучерова).

Толкин воссоздавал не только внешний вид растений, но и их аромат. Пример — бледные цветы недалеко от перевала Кирит-Унгол, от которых исходит запах тления. Описание и вида, и запаха этих растений соответствует средиземноморскому (совпадение по региону) ядовитому (совпадение по принадлежности к «вражескому миру») растению семейства лилейных — птицемлечнику.

Ботанический прототип обнаруживается даже для Белого Древа Гондора. Процитируем работу Кучерова: «У самой кромки снегов росло молодое деревце... На нем уже распустились листья — продолговатые, изящные, темные сверху и серебристые с изнанки, а среди тонких веток маленькой кроны светило одно-единственное крошечное соцветие, и белые лепестки сияли, как снег на солнце». Кроме этого саженца, других подробных описаний дерева во “Властелине колец” нет, но в “Сильмариллионе” есть дополнительные указания на особую форму семян и божественный аромат цветов. Совершенно случайно мне посчастливилось наткнуться на описание действительно очень древнего растения, одного из самых древних цветковых растений на Земле, — *Drimys winteri*. Оно растет именно на “Заокраинном Западе” — ни много ни мало на Огненной Земле, — исключительно красиво цветет и полностью подходит под морфологическое описание Белого Древа. Более того, кора этого дерева, известная в английской медицинской литературе XVIII–XIX веков под названием *Winter's bark*, использовалась в медицине как сильнейшее общеукрепляющее и тонизирующее средство, по силе действия многократно превосходящее женьшень... Толкин... не раз бывал

Дарящая плоды

Художник Елена

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФА](#)

в прекрасном Ботаническом саду в Кью, где это дерево растет в открытом грунте, и мог с ним не раз встречаться».

Неудивительно, что при столь трепетном отношении к растениям мир Толкина оказался населен и ожившими деревьями, среди которых Фангорн и другие энты, Старый Вяз, хуорны. Литературные источники образа битвы энтов мы приведем в соответствующем разделе, сейчас же заметим, что под пером человека, так глубоко чувствующего природу, деревья просто не могли не ожить, даже если бы он не знал соответствующего кельтского текста. Интересно, что образ деревьев-воинов возник в воображении Толкина еще в школьные годы, в период изучения пьес нелюбимого им Шекспира: Профессор вспоминал горькое «разочарование и отвращение своих школьных дней, вызванное тем, как бездарно распорядился Шекспир “приходом Бирнамского леса на Дунсинанский холм”. Я жаждал придумать такие обстоятельства, в которых деревья действительно могли бы пойти в бой»²⁴. Во «Властелине колец» подходящие обстоятельства были найдены.

Цветение *Drimys Winteri*

* * *

Начало истории Средиземья кроется в желании Толкина создать такой мир, в котором вымышленные им языки обрели бы жизнь и перестали быть исключительно плодом лингвистических упражнений. Иными словами, та часть личности Толкина, которая являла собой ученого-систематика, породила (или, вернее, пробудила) другую ее часть — писателя, художника-творца, обладающего даром созидания и способностью отыскать в своем сердце целую Вселенную. Гармоничное сосуществование обеих составляющих личности сделало возможным появление на свет особого литературного мира, воспринимаемого читателем трехмерно, как нечто реально бытующее. И заслуга ученого здесь в том, что его усилиями мир этот приобрел убедительную внешнюю форму, облекся в кровь и плоть, наполнился множеством деталей, каждая из которых доказывает: да, перед нами летопись несомненно правдивых событий. При этом читателю-то как раз вовсе и не обязательно быть специалистом в вопросе языков, или мифологических текстов различных народов, или же в области ботаники, или географии — все дело именно в атмосфере, в убеждающем слове автора, глубоко уверенного в том, о чем он говорит.

Так же как и в мельчайших частичках материи того универсума, о котором он писал, Толкин хотел быть уверенным и в сюжете, в образах и отношениях героев. На помощь пришла все та же непреодолимая тяга к познанию и изучению языков: благодаря ей он прекрасно ориентировался в мифологии скандинавов, финнов и кельтов, с которой соприкоснулся, занимаясь диалектами этих народов. Мифологические представления названных культур, безусловно, сильно повлияли на суть мифологической системы самого Толкина («Свод моих легенд, частью которых (заключительной) является трилогия, возник из стремления “переписать” “Калевалу”, в первую очередь — трагическую историю Куллерво»²⁵). Но не стоит воспринимать историю Средиземья

лишь в качестве сборника цитат и ссылок на древние северные сказания: как и в работе с данными астрономии, географии, ботаники, писатель творчески перерабатывал исходный материал, так что земная первооснова его сюжетов подчас оказывалась настолько глубоко скрытой, что даже специалист не сразу мог ее обнаружить.

И все же, подобно тому, как скелет определяет внешность человека (хотя, говоря о человеке «он красив», мы менее всего имеем в виду его скелет!), так и мир Толкина определяют «кости» — три культуры: кельтская, скандинавская и финская.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

